

*Коти царя
Соломона*

I

Я ВСТРЕЧАЮ СЭРА ГЕНРИ КУРТИСА

От роду я никогда ничего не писал, а вот теперь, прожив на свете пятьдесят пять лет, вдруг принимаюсь за писание, точно какой-нибудь сочинитель. И сам не могу на себя надивиться! Неужели это я, Аллэн Кватермэн, собираюсь написать книгу? Бог знает, кончу ли я ее когда-нибудь... Чего-чего я не делал в течение моей долгой жизни! Оттого она мне и кажется такой долгой, что уж очень рано я встал на ноги и начал зарабатывать себе на хлеб насущный в такие годы, когда другие мальчики еще в школу бегают. Промышлял и охотой, и торговлей, работал в рудниках, под землей, и вот только недавно, в последнее время, сколотил себе капиталец. Капиталец изрядный, но могу по совести сказать, что ни за какие деньги не согласился бы я пережить еще раз эти последние полтора года! Человек я от природы мирный, робкий, терпеть не могу насилий и жестокостей; а уж как мне надоели всякие приключения — и сказать не могу! А теперь еще вот принимаюсь писать книгу — право удивительно! Я человек простой, неученый, спрашивается, зачем же путаюсь не в свое дело и берусь сочи-

нять книги? Если сказать правду, главное — потому, что сэр Генри Куртис и капитан Джон Гуд уж очень меня об этом просят. К тому же делать я теперь все равно ничего не могу и сижу у себя на квартире, в Порт-Натале, безвыходно: опять разболелась у меня левая нога, которую мне тогда изжевал этот разбойник, лев. Чудное, право, дело; ведь уж сколько лет с тех пор прошло, и раны мои все давным-давно зажили, а вот как придет это самое время, когда он меня искусал, — так и занает опять больное место, хоть кричи. Должно быть, какой-нибудь особенный яд у этих проклятых львов в зубах. И ведь что досадно: шестьдесят пять львов я убил на своем веку, а на шестьдесят шестом взял да и осекся; изжевал он мне ногу ни за что ни про что. Изжевал, как щепоть табаку! Разве это порядок? Ужасно я этих не порядков не люблю, потому что я человек аккуратный.

Еще для того я хочу писать книгу, чтобы мой сынок Гарри, который учится теперь в лондонской медицинской школе, мог прочитать ее на досуге и поразвлечься немного после госпитальной работы. Ведь тоже и их дело не легкое, другой раз так умается, что голова кругом пойдет. Вот пускай и почи-тает, позабавится; а история будет занятная, если только у меня что-нибудь выйдет. Могу сказать, не хвастаясь, что во всю мою жизнь не слышал ничего удивительнее и страннее того, что я буду рассказывать. Трудненько мне будет все это описать, да делать нечего. Человек я хотя и смиренный, а тоже немало народу перебил и изувечил на своем веку. Конечно, невинной крови не проливал и из-за угла не

целился, а убивал людей открыто, в честном бою. Что делать! На то нам и жизнь дана, чтобы ее защищать... Но пора мне, однако, приняться за мой рассказ. Начну смелее: смелость города берет!

Прошло ровно полтора года с тех пор, как я в первый раз встретился с сэром Генри Куртисом и капитаном Гудом. А случилось это вот как. Был я на слоновой охоте в лесной стороне, за Бамангвато¹, и очень мне не везло. Охотился плохо, да вдобавок еще лихорадку схватил и провалялся довольно долго. Потом, как поправился, продал что было у меня слоновой кости и поехал домой через Капштадт. Тут я прожил с недельку и напоследок взял себе койку на корабле «Донкельд», отправлявшемся к нам, в Порт-Наталь. «Донкельд» только и дожидался парохода «Эдинбург-Кастль», который должен был прийти из Англии, чтобы сняться с якоря. Наконец ожидаемый пароход пришел. «Донкельд» принял новых пассажиров, какие там были, мы снялись с якоря и вышли в море.

Из всех пассажиров двое особенно привлекли мое внимание. Один из них, лет этак тридцати, поразил меня своим высоким ростом и богатырским сложением; такого огромного человека мне ни разу не случалось встречать. У него были светлые белокурые волосы, длинная густая борода, замечательно правильные черты и большие серые глаза; в жизнь свою не видел человека красивее его. Мне почему-то показалось, что он похож на древнего датчанина. Положим, что древних датчан я никогда не види-

¹ *Бамангвато* — в земле Бечуана, в Южной Африке.

вал, но я помню, что видел однажды картинку, на которой были нарисованы эти самые господа — что-то вроде белых зулусов¹. Они пили из огромных рогов, и у них были длинные волосы, развевающиеся по плечам. Когда я взглянул на господина, стоявшего у спуска в кают-компанию, мне сейчас же пришло в голову, что если бы он отрастил волосы подлиннее да надел стальную кольчугу на свою богатырскую грудь, дай ему только боевой топор и роговой кубок в руки, — и хоть сейчас пиши с него эту самую картину. И ведь поди ж ты, какое чудо! Потом я узнал, что сэр Генри Куртис — так звали этого гиганта — был в самом деле датчанин по происхождению.

Господин, разговаривавший с сэром Генри, был совсем в другом роде. Я сейчас же подумал, что он, должно быть, моряк. Не знаю отчего, но только моряка сейчас видно. Я их немало видел на своем веку, часто с ними охотился и очень их люблю; это самый лучший народ в мире. Одно только в них нехорошо: ужасно любят ругаться.

На этот раз я также не ошибся: господин действительно оказался отставным командором британского военного флота. Звали его, как я потом узнал, Гуд, капитан Джон Гуд. Это был плотный, коренастый мужчина среднего роста, смуглый, черноволосый и довольно любопытный с виду: был он всегда необыкновенно гладко выбрит, расчесан и

¹ Кажется, мистер Кватермэн не совсем ясно представляет себе древних датчан. Насколько нам известно, у них были черные волосы. Может быть, он разумеет древних саксов. — *Прим. автора.*

вычищен просто на удивление и носил стеклышко в правом глазу. Это стеклышко точно к нему приросло, потому что носил он его без шнурка и никогда не снимал, разве для того, чтобы вытереть. Сначала я думал, что он так с ним и спит, но потом узнал, что на ночь он прячет его в карман своих брюк, вместе с превосходными фальшивыми зубами, которых у него были две перемены.

Вскоре после того, как мы вышли в море, стемнело и погода переменилась к худшему. С берега подул свежий ветер. Воздух наполнился таким густым туманом, что все ушли с палубы. Наш «Донкельд» был легкое плоскодонное суденышко; его качало из стороны в сторону самым неприятным манером. Ходить по палубе было совершенно невозможно; я стал около самой машины, чтобы погреться, и от нечего делать глядел на стрелку кренометра, которая показывала размахи судовой качки.

— Ну кренометр! Черт знает, что такое! — раздалось восклицание за моей спиной.

Я повернулся и увидел флотского, которого заметил прежде.

— А чем же он плох? — спросил я.

— Чем плох? Да всем! Если бы корабль хоть раз накренился под тем углом, как он показывает, — тут бы ему и конец; давно бы перекувырнулся. На этих купеческих судах всегда так: у них все как попало, черт бы их побрал!

В эту минуту позвонили к обеду. Мы с капитаном Гудом отправились обедать вместе и нашли сэра Генри уже за столом. Капитан сел с ним рядом, а я напротив, и скоро мы разговорились об охоте.

Капитан меня обо всем расспрашивал, я отвечал как мог, и наконец зашла у нас речь о слонах.

— Ну, сэр, ваше счастье, — сказал ему кто-то из моих соседей, — вы как раз попали на самого знающего человека. Уж кому и знать про слонов, как не охотнику Кватермэну; он вам все расскажет как следует.

Сэр Генри, который все время молчал, прислушиваясь к нашему разговору, при этих словах заметно вздрогнул.

— Извините, сэр, — обратился он ко мне звучным басом, вполне достойным его мощной груди, — вы — Аллэн Кватермэн?

Я отвечал утвердительно. Огромный человек не сказал больше ни слова, но я слышал, как он пробормотал себе в бороду: «Чрезвычайно счастливая случайность!»

После обеда сэр Генри подошел ко мне и пригласил меня идти курить в свою каюту. Я принял его предложение, и мы отправились к нему вместе с капитаном Гудом. В каюте сэра Генри было очень хорошо и уютно; корабельный лакей принес нам бутылку виски, зажег лампу; мы уселись вокруг стола, стоявшего посредине, и закурили трубки. Когда лакей ушел, сэр Генри обратился ко мне.

— Мистер Кватермэн, — сказал он, — в позапрошлом году, около этого самого времени, вы, кажется, были в селении Бамангвато, в северной части Трансвааля?

— Да, был, — отвечал я с большим удивлением. Мне странно было, что он это знает. Кажется, мои

странствия всеобщего интереса не возбуждают, и человек я неизвестный.

Сэр Генри взглянул мне прямо в лицо пронизательными серыми глазами, и мне показалось, что его взгляд выражает какую-то непонятную тревогу.

— Не встречали ли вы там господина по имени Невилл? — спросил он.

— Как же, как же! Он кочевал рядом со мной целых две недели, чтобы дать отдохнуть своим волам перед тем, как отправиться вглубь страны. Несколько месяцев тому назад я получил письмо от одного нотариуса, который спрашивал меня, не знаю ли я, что случилось потом с этим Невиллом. Я тогда же написал ему все, что знал.

— Да, — сказал сэр Генри, — он переслал мне ваше письмо. Вы писали, что джентльмен по имени Невилл выехал из Бамангвато в начале мая, что с ним была большая фура и три человека прислуги: кучер, проводник и охотник-кафр, по имени Джим; что, отправляясь в путь, он имел намерение проникнуть, если возможно, вплоть до Иниати — крайнего торгового пункта Матабельской земли¹, а там продать свою фуру и продолжать путешествие пешком. Кроме этого, вы упомянули, что он действительно продал фуру, потому что полгода спустя вы видели ее у одного португальского купца, который сказал вам, что купил ее в Иниати у какого-то белого человека, имени которого он не помнит, и что этот белый отправился вместе с

¹ *Матабельская земля* — западная часть Южной Родезии; в настоящее время входит в состав Капской колонии.

прислужником из туземцев вглубь страны, вероятно на охоту.

— Да, я это писал.

— Скажите мне, мистер Кватермэн, — спросил сэр Генри после минутного молчания, — вы ничего больше не знаете о путешествии моего... я хотел сказать, мистера Невилла? У вас нет никаких догадок или подозрений насчет того, какие были его намерения и куда именно он отправлялся?

— Кое-что я об этом слышал, — отвечал я, но сейчас же умолк: мне не хотелось распространяться об этом предмете.

Сэр Генри вопросительно посмотрел на капитана Гуда; капитан кивнул.

— Мистер Кватермэн, — сказал сэр Генри, — я сейчас расскажу вам один случай и попрошу вашего совета, а может быть, даже и содействия. Агент, переславший мне ваше письмо, заверил меня, что я могу вполне на вас положиться, так как вы, по его словам, человек известный во всем Натале и пользующийся всеобщим уважением. Но прежде всего вам необходимо знать, почему я так интересуюсь этим Невиллом: он мой родной брат.

— Вот как! — сказал я и невольно вздрогнул.

— Он был мой младший и единственный брат, — продолжал сэр Генри, — и мы с ним почти никогда не расставались, вплоть до того, что случилось пять лет тому назад. Но тут нашу семью неожиданно постигло ужасное бедствие: мы с братом поссорились не на жизнь, а на смерть, и я поступил с ним очень несправедливо.

Капитан Гуд энергично закивал, как бы в подтверждение этих слов. Мне его было отлично видно в зеркало, которое висело против нас.

— Вы, конечно, знаете, — говорил сэр Генри, — что, когда человек, имеющий только земельную собственность, умрет, не оставив завещания, то по английским законам все его имение переходит к старшему сыну. Так случилось и с нами: наш отец умер, не оставив никакого завещания, и как раз в то самое время, когда мы так ужасно поссорились. Поэтому брат мой, не подготовленный почти ни к какой профессии, остался без гроша. Конечно, я обязан был позаботиться о нем, но в это время ссора наша была в полном разгаре, и, к стыду моему, я должен признаться (тут он глубоко вздохнул), что ничего для него не сделал. Не то чтобы я ему чего-нибудь пожалел, — несколько; но просто мне не хотелось самому начинать, я все ждал, что он сделает первые шаги, а он так ничего и не сделал. Мне очень совестно утруждать вас всеми этими подробностями, мистер Кватермэн, но я должен рассказать вам все без утайки. Ведь так, Гуд?

— Непременно, непременно, — подтвердил капитан. — Я убежден, что мистер Кватермэн никому ничего не расскажет.

— Само собой разумеется, — сказал я.

— Ну-с, — продолжал сэр Генри, — в то время у моего брата было еще немного денег. В один прекрасный день, не говоря мне ни единого слова, он забрал эти несчастные деньжонки и отправился в Южную Африку под вымышленным именем Не-

вилл, с безумной надеждой нажать себе там состояние. Об этом узнал я уже впоследствии. Прошло три года; я ничего не слышал про брата, хотя писал ему несколько раз. Конечно, письма до него не доходили. Время шло, и я начинал все больше о нем беспокоиться. Тут я понял, как много значит кровное родство...

— Еще бы! — сказал я и подумал про своего сына Гарри.

— Я почувствовал, мистер Кватермэн, что готов отдать все на свете, лишь бы узнать, что мой брат Джордж жив и здоров и что когда-нибудь я его снова увижу!

— Только что-то мало надежды на это, — заметил капитан.

— Итак, чем дальше, тем больше тревожился я о брате, мистер Кватермэн, и раздумывал о том, жив он или умер, и если жив, то как бы мне вернуть его домой. Кроме него, у меня нет никого на свете. Я послал на разведки пеших гонцов, и в результате получилось ваше письмо. Письмо это было довольно утешительно, потому что оно доказывало, что Джордж еще недавно был жив и здоров, но все-таки мне этого было мало. В конце концов я решил отправиться на поиски сам, и капитан Гуд был так добр, что поехал со мной.

— Да, — сказал капитан, — тем более что мне ничего другого не оставалось. Оставили за штатом на половинном жалованье — просто хоть околевай. Теперь, сэр, вы, вероятно, не откажетесь сообщить нам все, что знаете про человека, называвшего себя Невиллом...

II ПРЕДАНИЕ О КОПЯХ ЦАРЯ СОЛОМОНА

— Что вы слышали в Бамангвато о путешествии моего брата? — спросил сэр Генри, пока я набивал свою трубку.

— Да кое-что действительно я слышал, — отвечал я, — но только не заикнулся об этом ни одной живой душе до нынешнего дня. Я слышал, что он собирается в Соломоновы копи.

— В Соломоновы копи! — воскликнули оба моих слушателя в один голос. — А где же они?..

— Этого я не знаю; знаю только, где они будто бы должны быть. Однажды мне привелось увидеть вершины гор, которые их ограждают, но только от того места, где я был, и до этих гор оставалось перейти пустыню — с лишком сто тридцать миль, — и я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из белых людей ее перешел, кроме одного-единственного случая. Впрочем, я думаю, что мне всего лучше рассказать вам все предание о Соломоновых копиях целиком, как я его знаю. Только вы должны обещать мне, что без моего позволения никому не откроете того, что я вам расскажу. Согласны вы или нет? Я имею на это свои причины.

Сэр Генри утвердительно кивнул, а капитан Гуд поспешил прибавить:

— Разумеется, разумеется.

— Ну-с, — начал я, — вы легко можете себе представить, что охотники на слонов — народ вообще грубый, неотесанный. Но иногда попадаются между ними и такие люди, которые собирают туземные

предания и стараются понемногу выяснить историю этой темной, безвестной страны. Вот один из таких людей и рассказал мне когда-то предание о Соломоновых копиях. Я тогда был в первый раз на слоновой охоте в Матабельской земле. Звали его Ивансом; на следующий год беднягу убил раненный им буйвол, и он похоронен около водопадов Замбези. Помнится, я рассказывал Ивансу как-то вечером об удивительных горных шахтах, на которые я однажды набрел в Трансваале во время охоты. В последнее время на них опять нечаянно напали при розысках золотоносных жил; мне же они давным-давно были известны. Я рассказал ему, какая там прекрасная дорога высечена в скале, какие устроены галереи, ходы и переходы; как хорошо выложены стены. — Это что!.. Я тебе еще лучше скажу! — отвечал мне Иванс и начал рассказывать, как он набрел внутри страны на целый разрушенный город. По его мнению, то были развалины библейского Офира, и с тех пор я не раз слышал то же предположение и от других людей, поученее бедного Иванса. Я тогда и уши развесил, слушая про эти чудеса; молод еще был, так оно и неудивительно. Вдруг Иванс говорит мне: — А что, милый, ты никогда не слыхал про Сулимановы горы, те, что лежат на северо-запад от Машукулумбы? — Нет, говорю, никогда не слыхал. — А вот там-то были у Соломона копи, знаменитые его алмазные копи. — А вы почему знаете? — спрашиваю я. — Да уж так, знаю. Ты сам посуди, ну что такое Сулиман, как не Соломон?¹ К тому же одна старая колдунья из

¹ *Соломон* — по-арабски Сулиман.

племени маника все мне про это рассказала. Она говорила, что народ, живущий за этими горами, тоже принадлежит к племени зулусов и говорит на одном из зулусских наречий, но только он сильнее и красивее зулусов. По ее словам, среди этого народа есть много волшебников, которые выучились своему волшебному искусству у белых людей в те далекие времена, «когда на земле царил мрак», и знают тайну чудесных копей, где добываются «сияющие камешки».

Тогда я посмеялся над этим рассказом: алмазные россыпи еще не были открыты. Бедный Иванс погиб, и я потом целых двадцать лет не вспоминал об этой истории. Но ровно двадцать лет спустя я услышал более определенный рассказ про Сулимановы горы и про ту страну, что лежит за ними. Был я однажды в деревушке Ситанда-Крааль. Прежалкая, скажу вам, деревушка: еды никакой, да и охотнику не много поживы. Но на меня напала лихорадка, и волей-неволей пришлось там оставаться. Было очень плохо, как вдруг в один прекрасный день приезжает туда португалец и при нем слуга-мулат. Я хорошо знаю своих делагойских португальцев; это самый отвратительный народ в мире, и все торгуют невольниками. Всех бы их на виселицу, дьяволов! Но только мой приезжий был ни чуточки не похож на тех негодяев, которых я привык встречать, даже совсем напротив. То был высокий худощавый человек, с большими темными глазами и выющимися седыми усами. Мы с ним немножко потолковали, потому что он мог говорить на ломаном английском языке, а я кое-что понимаю по-

португальски; он сообщил мне, что зовут его Хосе Сильвестра и что у него есть имение около Делагойской бухты. На другой день он уехал вместе со своим товарищем и очень вежливо со мной раскланялся. — До приятного свидания, синьор, — сказал он на прощание, — если мы когда-нибудь снова увидимся, я буду самым богатым человеком в целом мире и, уж конечно, не забуду и вас. — Я тогда только усмехнулся и посмотрел ему вслед, соображая, что он хотел этим сказать? Уж не рехнулся ли он; или в самом деле что-нибудь особенное затеял? Прошла неделя, и мне стало гораздо лучше. В один прекрасный вечер сижу я около своей палатки и смотрю, как садится знойное, багровое солнце за великой пустыней, как вдруг вижу какую-то фигуру — судя по одежде, европейца, — которая вдруг показалась из-за холма шагах в трехстах от меня. Фигура эта сначала ползла на четвереньках, потом встала на ноги, кое-как протащилась несколько шагов и опять упала. Вижу, дело плохо: должно быть, очень слаб человек; я кликнул одного из своих охотников и послал к нему на помощь. Ну, как вы думаете, кого он мне привел?

— Да, конечно, Хосе Сильвестру, — сказал капитан Гуд.

— Да, Хосе Сильвестру или, лучше сказать, его тень: от него остались только кожа да кости. Лицо у него пожелтело, как лимон, от желтой лихорадки, и исхудал он так, что его черные глаза точно выскочить хотели вон из головы; волосы совсем побелели. — «Воды! воды!» — простонал он, и тут я заметил, что губы у него совсем растрескались и пере-

сохли и даже язык почернел от жажды; просто страшно было смотреть. Я принес ему воды, разбавленной молоком, и он начал пить огромными глотками, с жадностью. Кажется, он готов был пить без конца, но только очень-то много я ему не дал сразу. После того с ним опять сделался жестокий приступ лихорадки, он упал в полном изнеможении и начал бредить как безумный, толкуя про Сулимановы горы, про алмазы и пустыню. Я перенес его к себе в палатку и сделал для него все, что мог; да только что уж тут сделаешь — сейчас было видно, к чему идет дело! На рассвете просыпаюсь, гляжу — а он сидит на постели, чудной такой, худой, весь иссохший, и смотрит так пристально в ту сторону, где виднеется пустыня сквозь утренний сумрак. В эту минуту первые лучи восходящего солнца ударили по ту сторону широкой равнины и озарили высочайшую вершину Сулимановых гор далеко, далеко, за сотни миль от нас. — Вот они! Вот они! — закричал умирающий, протягивая к пустыне длинную, исхудалую руку. — А я так никогда и не дойду до них, никогда, никогда... И никто, никто не дойдет.

Тут он умолк и задумался. Казалось, он принимает какое-то решение.

— Друг, — промолвил он внезапно, обращаясь в мою сторону, — ты здесь? Мое зрение становится смутно... я тебя не вижу. — Здесь, говорю, лежите себе спокойно и постарайтесь уснуть. — Нет, говорит, скоро я усну навеки, тогда успею лежать спокойно — целую вечность буду лежать! Послушай, я умираю... Ты сделал мне много добра. Я отдам тебе документ. Может быть, ты и дойдешь, если

только удастся благополучно пройти ту пустыню, которая убила меня и моего бедного слугу. — Тут он порылся у себя за пазухой и вытащил оттуда какую-то вещь, которая показалась мне похожей на табачный кисет из шкуры антилопы, точно такой, какой обыкновенно носят буры¹. Он был крепко завязан бечевкой, которую бедняга никак не мог развязать.

— Возьми, развяжи это, — сказал он мне. — Я исполнил его желание и вынул из мешка лоскутки пожелтевшей холстины, на которой было что-то нацарапано полинявшими, точно ржавыми, чернилами. В лоскутке оказалась бумага. Португалец заговорил слабеющим голосом: — Тут на бумаге написано все то же, что и на лоскутке... Я употребил целые годы, чтобы прочесть и разобрать это... Дело вот в чем: мой прапрадед, переселившийся сюда из Лиссабона, один из первых португальцев, ступивших на африканский берег, написал это, умирая среди страшных гор, на которых не бывало ноги белого человека ни до, ни после него. Его звали Хосе да Сильвестра, и жил он триста лет тому назад. Невольник, дожидавшийся его по эту сторону гор, нашел его мертвым и принес то, что он написал, домой, в Делагоа. С тех пор в нашей семье хранился этот исписанный лоскуток, но никто не полюбопытствовал прочесть его, пока я не догадался это сделать. Из-за него я теперь погибаю, но, может быть, другому удастся... и будет этот человек

¹ *Буры* — потомки первых голландских колонистов, поселившихся в Южной Африке.

величайшим богачом во всем мире, — да, во всем мире! Только не отдавай никому, лучше ступай туда сам... — Тут он снова впал в забытие, а через час все было кончено. Он умер очень спокойно, и я зарыл его как можно глубже и навалил больших камней ему на грудь, так что шакалы, вероятно, не могли его выкопать. После этого я оттуда уехал.

— Ну а документ? — спросил сэр Генри с величайшим интересом.

— Что там было написано? — прибавил капитан.

— Так и быть, господа, я вам все расскажу. До сих пор я никому этой бумаги не показывал, кроме покойницы жены, которая считала все это вздором, да еще одного старого пьяного торговца-португальца, который перевел мне эту штуку и на другое утро обо всем позабыл. Подлинный холщовый лоскут и копия бедного дона Хосе хранятся у меня дома, в Порт-Натале; но английский перевод всегда со мной, в записной книжке, а равно и снимок с карты — если только можно назвать это картой. Вот, слушайте:

«Я, Хосе да Сильвестра, умирающий с голоду в маленькой пещере, там, где нет снега, на северном склоне южнейшей из двух гор, названных мною грудями Царицы Савской, пишу это в 1590 году, на лоскутке моей одежды, обломком кости и собственной моею кровью. Если мой невольник найдет его, когда придет, и отнесет домой, пусть друг мой такой-то (следует неразборчиво написанное имя) доведет обо всем этом до сведения короля, дабы он отправил туда свое войско. Если войско благополучно пройдет через пустыню и горы и восторжествует над храбрыми кукуанами и их волшебными богомерзкими чарами (для чего надлежит послать побольше священников), — тогда король станет самым богатым из властелинов мира со времен царя

Соломона. Я видел собственными глазами несметные груды алмазов в сокровищнице Соломоновой, за белой Смертью, но мне изменила чародейка Гагула, и я не мог унести ничего и едва спас собственную жизнь. Пусть тот, кто пойдет по моим стопам, следует по пути, начертанному на карте, и потом идет вверх по снежному склону левой груди Царицы Савской, пока не взойдет на самую вершину до ее соска; там, на северной стороне, будет великий путь, проложенный Соломоном, — Соломонова дорога. Отсюда три дня пути к королевской столице. Пусть он убьет Гагулу. Прощайте.

Хосе да Сильвестра».

Когда я прочел этот документ и показал моим слушателям точный снимок с карты, начертанной рукою умирающего португальца его собственной кровью, наступило глубокое молчание. Все были страшно изумлены.

— Ну, — сказал капитан Гуд, — признаюсь! Два раза я обошел вокруг света, и в каких только местах не был — но при всем том пусть меня повесят, если я слышал что-нибудь чуднее этой истории! Разве что в сказке, да и то нет...

— В самом деле, очень странная история, мистер Кватермэн, — сказал сэр Генри. — Надеюсь, вы говорите серьезно и не хотите нас одурачить? Я знаю, что над новичками иногда жестоко подшучивают и что это считается вполне позволительным.

Меня так и взорвало. Я не люблю, чтобы меня принимали за одного из тех дураков, которые воображают, что ложь — чрезвычайно остроумная вещь, и вечно рассказывают неопытным новичкам разные охотничьи небылицы.

— Если вы так думаете, сэр Генри, — сказал я, — нам нечего больше и толковать.

С этими словами я сунул бумагу в карман и встал, собираясь сейчас же уйти. Но сэр Генри положил на мое плечо свою огромную ручищу.

— Сядьте, мистер Кватермэн, — сказал он. — Извините меня, пожалуйста; я вижу, что вы не думаете нас обманывать, но ваш рассказ до такой степени необычен, что сразу трудно ему поверить.

— Я вам покажу подлинную карту и письмо, когда мы приедем в Дурбан, — сказал я, успокоившись.

Да и в самом деле, если хорошенько сообразить, неудивительно, что он усомнился в достоверности моего рассказа.

— Я вам еще недосказал про вашего брата, — продолжал я. — Я хорошо знал его слугу Джима, который был при нем. Этот Джим, бекуанец родом, отличный охотник и для туземца даже очень умный малый. Утром в тот самый день, как уехать мистеру Невиллу, вижу — стоит Джим недалеко от моей фуры и крошит табак.

— Джим, куда это вы собрались? Слонов, что ли, бить?

— Нет, — говорит, — баас (господин), наша добыча будет почище слоновой кости.

— Неужто? Что бы это такое было! — спрашиваю я с любопытством. — Уж не золото ли?

— Нет, — говорит, — еще дороже золота! — А сам ухмыляется во всю рожу.

Я не стал его больше расспрашивать; мне показалось, что я унижу свое достоинство, если буду слишком любопытствовать, но, признаюсь, это силь-

но меня задело за живое. Вижу, кончил Джим ворошить свой табак.

— Баас, а баас! — кричит он меня.

— Что, — говорю, — тебе?

— Баас, а ведь мы едем за алмазами!

— За алмазами? Так вы совсем не туда едете! Вам нужно держать путь на россыпи.

— А слышали вы про Сулимановы горы, баас?

— Как не слышать!

— А про алмазы, которые там запрятаны, слышали?

— Мало ли что я слышал, Джим. Все это глупости, вздор.

— Нет, не вздор, баас! Я знавал одну женщину, которая пришла оттуда с ребенком и после отпирвилась в Порт-Наталь; она мне сама говорила. Только теперь она уже умерла.

— Если вы вздумаете прокатиться в Сулиманову землю, твой хозяин непременно пойдет на угощение хищным птицам, Джим, да и ты также.

А он себе ухмыляется:

— И то может быть, баас. Нам всем суждено умереть. А все-таки я с удовольствием побываю в новых местах; здесь у нас и слоны как будто переводиться стали.

Через полчаса вижу я, что фура Невилла тронулась в путь. Вдруг Джим бежит ко мне назад.

— Прощайте, баас, — говорит. — Мне не хотелось уехать, не простившись с вами: ведь по правде сказать, я и сам тоже думаю, что нам не вернуться оттуда.

— Неужто, — говорю, — твой хозяин в самом деле собрался в Сулимановы горы, Джим? Ты не врешь?

— Нет, — говорит, — в самом деле собрался. Он уверяет, что ему нужно во что бы то ни стало нажать себе состояние, так уж заодно хочет и там попробовать счастья.

— Коли так, — говорю, — подожди минутку. Отдай ему записку, да обещавай, что не отдашь ее до тех пор, пока вы не приедете в Иниати (а это миль, должно быть, за сто оттуда). Обещаешь?

— Хорошо, баас.

Тогда я взял клочок бумаги и написал: «Пусть тот, кто пойдет... идет вверх по снежному склону левой горы Царицы, пока не взойдет на самую вершину; там, на северной стороне, будет великая Соломонова дорога».

— Слушай, Джим, когда ты отдашь своему хозяину эту записку, скажи ему, чтобы он исполнил как можно точнее все, что здесь написано. А теперь ни за что не отдавай, потому что я совсем не хочу, чтобы он приставал ко мне с вопросами, на которые я не хочу отвечать.

Джим взял мою записку и побежал догонять фуру, которая почти уже скрылась из виду. Вот все, что я знаю про вашего брата, сэр Генри. Боюсь только...

— Мистер Кватермэн, — перебил сэр Генри, — я собираюсь отыскивать брата; я решился идти за ним следом в Сулимановы горы, а если понадобится — и еще того дальше. Буду искать его до тех пор, пока не найду или пока не узнаю, что он умер. Согласны вы идти со мной?

Кажется, я уже говорил раньше, что я человек осторожный и даже, можно сказать, робкий; а пото-

му такое предложение меня ничуть не обрадовало. Мне представилось, что решиться на подобное путешествие — все равно что идти на верную смерть.

— Очень вам благодарен, сэр Генри, — отвечал я, — но только вряд ли я с вами отправлюсь. Я уже слишком стар для таких отчаянных предприятий, и к тому же с нами, наверное, было бы то же самое, что с моим бедным другом Сильвестрой. А у меня сын на руках, так что я не имею права рисковать своей жизнью.

И сэр Генри, и капитан Гуд, видимо, остались очень недовольны.

— Мистер Кватермэн, — сказал первый из них, — я человек обеспеченный, а дело это мне очень дорого. Вы можете назначить какое угодно вознаграждение за ваши услуги, и оно будет вам выплачено, все сполна, сию же минуту, прежде чем мы отправимся в путь. Кроме того, я сделаю заблаговременно все необходимые распоряжения, чтобы ваш сын был обеспечен как следует, если с нами или с вами что-нибудь случится. По этому вы можете судить, до какой степени я считаю ваше присутствие необходимым. Если мы как-нибудь действительно доберемся до того места и найдем алмазы, вы разделите их пополам с Гудом. Мне они не нужны. Конечно, на это совершенно нечего рассчитывать; это условие скорее можно применить к слоновой кости, которую мы, может быть, добудем. Берите что хотите, только соглашайтесь. Само собой разумеется, что все издержки на мой счет.

— Сэр Генри, — отвечал я, — это самое выгодное предложение, какое мне случилось иметь в жизни,

и, конечно, такому бедному охотнику, как я, стоит о нем серьезно подумать. Но зато и дело нелегкое — во всю мою жизнь на такой трудный подвиг не приходилось подниматься. Мне непременно нужно все это хорошенько обдумать. Я дам вам окончательный ответ прежде, чем мы будем в Порт-Натале.

— Прекрасно, — сказал сэра Генри.

Затем я пожелал им спокойной ночи и пошел спать. Всю ночь напролет снился мне бедный Сильвестра и грезилась алмазы.

III

ОМБОПА ПОСТУПАЕТ К НАМ НА СЛУЖБУ

От Капштадта до Дурбана всего от четырех до пяти дней пути, смотря по погоде и по кораблю.

По дороге в Наталь я все время обдумывал предложение сэра Генри. Дня два мы с ним об этом не говорили ни слова; наконец в один прекрасный январский вечер (январь ведь у нас самый жаркий месяц в году) мы очутились в виду Порт-Наталья и пошли вдоль берега, рассчитывая, что на закате как раз обогнем Дурбанский мыс. Начиная от самого Эст-Лондона, берег тут удивительно красив: красные песчаные холмы и широкие полосы яркой зелени, усеянные кафрскими хижинами и окаймленные белоснежной лентой морской пены, нагроможденной целыми грудями в тех местах, где прибой разбивается о береговые скалы. Но перед самым Наталем берег становится особенно живописен. Тут

СОДЕРЖАНИЕ

О Генри Райдере Хаггарде. <i>А. Зверев</i>	5
--	---

КОПИ ЦАРЯ СОЛОМОНА

I. Я встречаю сэра Генри Куртиса	15
II. Предание о копиях царя Соломона	25
III. Омбопа поступает к нам на службу	37
IV. Охота на слонов	50
V. Наше путешествие в пустыне	63
VI. Вода! Вода!	81
VII. Соломонова дорога	95
VIII. Мы вступаем в землю кукуанскую	118
IX. Король Твала	129
X. Колдовская охота	146
XI. Знамение	163
XII. Перед битвой	180
XIII. Нападение	192
XIV. «Белые» отличаются в последний раз	204
XV. Болезнь Гуда	224
XVI. Обитель смерти	237
XVII. Соломонова сокровищница	252
XVIII. Мы теряем всякую надежду	268
XIX. Мы прощаемся с Игноси	282
XX. Нашли!	294

Литературно-художественное издание

ГЕНРИ РАЙДЕР ХАГГАРД
КОПИ ЦАРЯ СОЛОМОНА

Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Степана Долбина
Корректоры Татьяна Никонова, Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

Подписано в печать 10.09.2018.
Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 13,39.
Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.ru
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Y-AKB-14812-03-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/